

З.С. Антипина

*кандидат филологических наук,
заведующая лабораторией политики культурного наследия,
преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ)*
afaneor@yandex.ru

А.А. Арустамова

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы Пермского государственного
национального исследовательского университета (ПГНИУ)*
aarustamova@gmail.com

ПЕРМЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ: ПАРОХОДНЫЙ ГУДОК, САМОЛЕТНЫЙ ГУЛ*

В статье рассматривается специфика репрезентации темы Америки в творчестве Каменского, ее роль в организации пространства художественного мира поэта, системы образов его прозы и поэзии. Особое внимание уделяется рассмотрению специфики воплощения «самолетного проекта» в жизни и творчестве поэта, определившего новый угол зрения на ландшафт и изменившего систему пространственных координат в творчестве поэта-футуриста. В статье исследуется характер соотношения американского и прикамского текстов в творчестве Каменского.

Ключевые слова: Каменский, футуризм, репрезентации, Америка, Пермь, авиатор, ландшафт, пространство

The article traces moods of representation of the American topics in Vassily Kamensky's prose and poetry as constitutive to the whole image set of the poet and specifying limits of his imagination represented in his works. Particular attention is drawn to the "airplane project" of Kamensky: new landscape model as embodiment of his life. Changes in the system of space-time coordinates in his works are decisive. These changes could be described as juxtaposition of American and Ural (meta-) texts.

Keywords: Kamensky, futurism, representation, America, Perm, aviator, landscape, space

Существует известная легенда о том, что песня про пароход, подаренная Америкой России, что звучит в фильме «Волга-Волга», должна была подстегнуть американских промышленников к более тесному сотрудничеству с СССР. Действительно, если пароход тихий, то нужно получить новые пароходы, которые позволят сделать сообщение по российским рекам более регулярным. Дело вовсе не в том, что нужно приобрести быстрые пароходы, а в том, чтобы колеса парохода не были таким уж редким явлением.

Такой замечательный представитель русского футуризма как Василий Каменский, будучи в то же время путешественником и странником, любителем скорости, в начале XX века принял радикальное решение: осваивать самолет. Каменский с юных лет много путешествовал как по России (Закавказье, Поволжье, Сочи, Крым, Дальний Восток, Мурманск), так и по экзотическим странам (Иран, Турция) и Европе (Польша, Австрия, Германия, Англия, Франция, Италия). Однако

двухгодичная авиаторская карьера (1910-1912) дала Каменскому во всех отношениях уникальный опыт. В его стихотворениях сразу появляются связанные друг с другом важнейшие мотивы «соединения мостов», проникновения в самые заповедные уголки планеты, расширения и единства пространства.

В этом – отличие Каменского от поэзии начала XX в., часто обращавшейся к экзотике географической, включающей и Америку (Брюсов, Бальмонт, Гумилев и др.). «Калькутта – Бомбей, Петроград и Венеция... Вена-Париж, Андижан и Туреция Перекинулись Стами устами Из крыльев мостами Стаи цветистые Птиц – Корабли» («Полет на аэроплане»¹) – это другой угол видения мира и создание иной перспективы: мир становится не разделенным пространственно, а единым в своем разнообразии.

Аспекты репрезентации американской темы у Каменского связаны не с традицией, а, скорее, напротив, с особенным, новым восприятием пространства. В стихотворении «Карнавал Аэронц» читаем: «Все равно на земле все разгадано. Весь исследован штат Иллинойс. Нам остались только крылья Авиаторского утра... Нам остались сердцевзрывные Перелетности вершин. Еще страны неоткрытые Пневматических сверхшин»². Америка предстает здесь в традиционном ключе – как отдаленное пространство, предел земного познания, то есть в горизонтали. Однако помещается в новую оппозицию: земля/небо как исследованное/неисследованное пространство. Место неизведанной Америки в поэтическом мире Каменского заняло небо.

В стихотворении звучит противопоставление уже исследованной земли, на которой не осталось укромных уголков, куда бы ни проникла цивилизация, – и воздушных просторов. Именно так создается новая норма освоения пространства: не покорения его, а облета – все точки на земле измерены и рассчитаны, и творческое действие и инженерия полета тогда тождественны.

1.

Первым образом, воплощающим тождество инженерного замысла и замысла творческого, географического знания и регулярности пространственной коммуникации, стал для поэта образ Колумба. Колумб, европеец по определению, вдруг приобретает черты изгнанника, почти что странника или паяца. «Смешной одинокий Колумб» появляется в стихотворении «Дельфин». Явно это опыт знакомства с американским кино, в котором еще не было ни зрелого Чарли Чаплина, ни Микки-Мауса. Но также эпитет «одинокий» сразу напоминает об одиноких искателях детской литературы.

В автобиографической книге «Путь энтузиаста» Колумб назван как один из детских кумиров героя: «Это Кама – у ночного костра за чайником – рассказывала мне, начинающему смешному рыбаку, удивительную повесть о том, что Пушкин и Колумб, Гоголь и Эдисон, Некрасов и Гарибальди в свое время были такими же, как я, мальчиками, но выросли, много учились, много знали, много работали, много боролись и вот сумели стать великими»³. Именно такое отождествление с одиночкой и превращает поэта в зоркого первооткрывателя, который смотрит на новые земли через подзорную трубу своей поэзии. С образом Колумба связано поэтическое осознание Каменским своего пути – поэтической «карьеры».

Благодаря авиаторскому опыту поэта традиционное противопоставление толпы обывателей и поэта, одинокого гения в поэтической жизни Каменского оказалось реализованным в новом, пространственном, масштабе: «Часто видел внизу муравьиную кучу. И никому не было дела До футуриста-летчика... Разве нужна гениальность наживам – Бакалейно-коммерческим клубам. Вот почему перед вами Живым Я стою одиноким Колумбом»⁴. И далее, через мотив статуарности, образ Колумба связывается с образом памятника Поэту.

¹ Каменский В.В. Девушки босиком. – Тифлис: Прогресс, 1917. – С.45.

² Каменский В.В. Звучаль веснянки. – М.: Китоврас, 1918. – С.8.

³ Каменский В.В. Путь энтузиаста. – М.: Федерация, 1931. – С.30.

⁴ Каменский В.В. Звучаль веснянки. – М.: Китоврас, 1918. – С.23.

З. Антипина, А. Арустамова Пермь в Нью-Йорке:

пароходный гудок, самолетный гул

Статуарность здесь не следует понимать как публичное прославление, напротив, статуарна природа, статуарен ландшафт, статуарна живая природа. Эпитет «живой» не следует понимать просто как часть оксюморона «живая статуя», но как часть общего плана – авиатор как взлет вверх энергий жизни, конкретность опыта летчика, его близость природе, в отличие от мира обывателя; а значит, его причастность всему живому. Именно смотря сверху на леса и реки, он и становится живым, а не умершим и отлитым в бронзе Колумбом. И противопоставление поэта и толпы – не противопоставление двух позиций, а противопоставление живого и равнодушной природы.

2.

Революционная позиция Каменского – противостояние этому равнодушию ради торжества жизни, торжества живого как всеобъемлющего и всему отзывающегося. Для нас важно, что такое торжество живого происходит в уральских координатах: северный лесистый ландшафт и дуновение с юга, наступление весны.

У поэта появляется эпизод своего рода инициации (не кажется совпадением, что инициация происходит в лесу, символичном для Урала) – приобщения к революционной борьбе, как именно позиции одинокого наблюдателя. В поэме 1931 г. говорится: «Первого мая 1905 года Группа рабочих Железнодорожников и девиц Отправилась в лес слушать весенних птиц. И я туда влез»⁵. И далее приводится цитата из известной революционной песни «На бой кровавый...», и именно песня оказывается таким общим делом, делом полного взаимопонимания, которое есть и общее видение задач преобразования мира. Это преобразование связано во многом именно с авиацией, которая не разрушает земной ландшафт, а даже обогащает его новым углом зрения.

Но итог своего «транспортного проекта» поэт подвел раньше. В 1924 г. в свет вышли «27 приключений Хорта Джойса», которые автор отнес к жанру романа. Место этого произведения в творчестве Каменского еще не оценено должным образом, между тем оно включает в себя ключевые мотивы, образы и проблематику творчества поэта. Оно проникнуто пафосом страстной любви к жизни и в то же время переживанием ее неумолимой предопределенности. Авантюристичность сюжета обеспечивается приключениями, переживаемыми Хортом Джойсом во время поисков пропавшей дочери Чукки.

Перед читателем разворачивается многообразный пестрый мир, включающий в себя топографию Ирана, Индии, Австралии. Здесь присутствуют аллюзии и на Америку – Хорту помогает сыщик Джек Питч из Чикаго. И здесь же отчасти кроется ответ на вопрос, почему в произведениях Каменского чаще всего упоминается штат Иллинойс. Джек Питч – это отсылка к Нату Пинкертону, знаменитому персонажу детективных романов, прообразом которого был детектив Алан Пинкертон из Чикаго.

Америка видится автору романа традиционно как страна технических чудес – именно в Нью-Йорке происходит воображаемое проецирование на небо, как на экран, книги, которую одновременно могут читать миллионы жителей Нью-Йорка. Именно с Нью-Йорком, а не Голливудом связан удачный дебют в кино возлюбленной Питча, экзотической красавицы Ниа. С США в книге ассоциируется финансовое благополучие, успех и сила.

Тем приметнее то обстоятельство, что Америка остается вне структурообразующей пространственной оси «север» (родина Хорта) – «юг» (тропические острова, Австралия). Писатель отмечал ключевую значимость топосов юга и севера в его творчестве: «Я любил писать и думать на севере о юге, а на юге о севере» («Путь энтузиаста»⁶). Хорт – уроженец севера, на север он возвращается, исполнив свою миссию и найдя дочь, ожидать свершения предсказанного и неумолимого конца, постигая в то же время «счастье осени» и «непреложной связанности с землей», полноценно проживая каждую уходящую минуту. Воплощением юга – тепла и страстной молодой жизни является Наоми, возлюбленная Хорта, покидающая ласковый юг ради севера и последних двух осеней с героем.

⁵ Каменский В.В. Уральские поэмы. – Свердловск: Свердловгиз, 1935. - С.83.

⁶ Каменский В.В. Путь энтузиаста. – М.: Федерация, 1931. - С.448.

Америка, «свое другое» для поэта живого и жизни, в этом романе предстает на уровне массовых представлений об американском кинематографе, литературе, техническом прогрессе, в первую очередь, материальном. Эта узнаваемость общих формул американского в русской культуре, с одной стороны, соответствовала читательским ожиданиям, предвкушавшим чтение увлекательных приключений, а с другой – указывала на ценностную иерархию в романе. Подлинным и безусловным местом обретения себя становится для Хорта Джойса именно север. Именно здесь постигается смысл жизни и приходит осознание завершенности, воплощенности жизненного пути героя. Так поневоле полет через континенты возвращается к северному, уральскому, камскому тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. – 404 с.
2. Желтова Е.Л. Культурные мифы вокруг авиации в России в первой трети XX в. // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4 (часть 2). – М: РГГУ, 2007. - С.163-193.
3. Каменский В.В. Уральские поэмы. – Свердловск: Свердловгиз, 1935. - 238 с.
4. Каменский В.В. Звучаль веснеянки. –М.: Китоврас, 1918. – 160 с.
5. Каменский В.В. Его-моя биография великого футуриста. – М.: Китоврас, 1918. – 228 с.
6. Каменский В.В. Сарынь на кичку. Стихи избранные. - М.: Федерация, 1932. – 112 с.
7. Каменский В.В. Девушки босиком. – Тифлис: Прогресс, 1917. - 144 с.
8. Каменский В.В. Путь энтузиаста. – М.: Федерация, 1931.